

В этой главе есть некоторые высказывания и цитаты, поэтому я добавила некоторые примечания, где пробую несвязно объяснить значения без загромождения основного текста.

Глава 32. Одна встреча в наших жизнях.

Когда вернулись несколько из них, комната была безмятежной. Только слабый аромат имбирного чая держался в воздухе.

«Ваше Величество, счастье умножается, когда наша радость делится с другими. Вам не следует пить эту чашку чая в одиночестве».

Человеком, который произнес эти слова с веселым лицом был Сяхоу Чу, ученый, который занимал первое место в проводимых императорских экзаменах в течение четырнадцатого года господства Императора Цинцзя. Теперь, он был одновременно Министром в Министерстве по Делах Гражданского Управления, а заодно и высокостоящим чиновником в Императорской Академии Ханьлинь. Несмотря на то, что его отец, Министр Совершения Религиозных обрядов, был закадычным другом с Министром Ниан, а Сяхоу Чу был также в близких отношениях с семьей Ниан, он был также первоклассным ученым, выбранный Императором.

Внешне, пока создавалось впечатление как будто Император и Министр Ниан были в хороших отношениях, история давно доказала, что конфликт между Императором и его Министрами, которые владели существенной властью, был неминуем. По существу, дав Сяхоу Чу исключительное положение, многие в императорском дворе были подозрительны о том, где поистине располагалась его преданность.

Взглянув на чайник с чаем на столе, Лун Фей-ли сказал с улыбкой, «Ты не пришел в нужное время».

Помимо Сяхоу Чу, вновь прибывшие включали Министра по правам Человека, Юй Цзиньцин, а также Министра Юстиции, Линь Сычжэн.

Два других мужчины обменялись взглядами. Со смехом, Юй Цзиньцин сказал, «У нас мало времени, так что не создавай проблем, Сяхоу».

Ся Сан повел нескольких мужчин на их места, прежде чем вызвал другого евнуха, чтобы подать чай. Сюй Си и Цинфэн вернулись на свои места, неся караул с обеих сторон от Императора.

Лун Зиджин и остальные уже начали разговор тихими голосами.

Лун Фей-ли только что сел за стол, когда он почувствовал как его нога слегка задела что-то теплое. Он сделал паузу, образ женщины с руками, покрытыми рубцами промелькнул перед его глазами. Медленно, он закрыл свои глаза, стирая этот образ из памяти.

В этот момент, Сюаньцзи была беспомощна в ее неудобном положении. Судя по качеству древесины, стол Лун Фей-ли был чрезвычайно дорогим и изысканным, однако он был маленький, доказывая, что это было паршивое место, чтобы прятать человека. Она изо всех сил пыталась принять более выгодное положение, но не могла избежать задевания ноги Лун Фей-ли.

Их кожа вошла в соприкосновение; она могла чувствовать тепло его тела.

Такое близкий контакт и тесная зависимость... после той разбитой чашки чая, это было чем-то,

о чем она уже не хотела думать, чем-то, о чем она больше не мечтала.

Когда она пыталась отодвинуться от него, ее рука внезапно была схвачена в его крепкий захват. Она хотела освободиться от его зажима, но, в конце концов, решила противиться этому – он только пытался предостеречь ее от оповещения других о ее присутствии, не так ли?

Его ладонь была гораздо больше ее; она была теплая и сухая. Прячась под тесным столом, ее голову окутал слабый туман, даже когда на нее нахлынула необъяснимая печаль.

Смутно, она услышала как Лун Зиджин спросил, «Сяхоу, вы вчера выпивали с Ниан Сунтин. Он показывал какие-либо движения за последние дни?»

Взглянув на Императора, Сяхоу Чу вместо этого сказал, «Ваше Величество, Сюнну действительно активны. Хотя вы вызвали двоих Вэнь Рукай и Ниан Сунтин обратно в столицу, вы отстрочили поиск аудиенции с ними...»

Тревожным голосом, Линь Сычжэн добавил, «Ваше Величество, я не понимаю. Вы вызвали этих двух мужчин обратно в столицу, потому что вы желаете передать контроль над трехсоттысячной сильной армией одному из них, но когда дело доходит до верности, то это отец Супруги Хуэй, Генерал Жун, кто чрезвычайно верен вам. Но почему вы не вызвали его обратно в столицу, выбрав вместо этого позволить ему остаться у границ? Разве военное командование не должно быть передано ему?»

Едва уловимая улыбка появилась на губах Лун Фей-ли.

С тонким смехом, Юй Цзинцин сказал, «Хотя я несведущ, позвольте мне предположить о намерениях Вашего Величества?»

«Пожалуйста, скажи», сказал Лун Фей-ли.

Его тон был чрезвычайно почтителен и сердце Сюаньцзи ускорило. Она никогда не видела прежде Лун Фей-ли с этой стороны, и внезапно вспомнила, что сказал голубоглазый мужчина что молодой Император был кротким и бесхитростным мужчиной...

Бессознательно, она напрягла свои уши, чтобы слышать, ее руки неосознанно задвигались. Над ней, Лун Фей-ли сжал свой захват.

Она слышала, как Министр Юй сказал, «Именно потому, что Генерал Жун единственный честный человек, что в этот переломный момент времени, не может покинуть свое место у границ. Только с ним, охраняющим границы Ся Лян, Его Величество может меньше волноваться».

Он сделал паузу. «Тем не менее, власть за трехсоттысячной сильной армией не стоит недооценивать, поэтому распределение военного командования остается проблемным вопросом. Если какая-либо из этих двух фракций расширится в своем влиянии, весы, уравновешивающие силу императорского двора будут наклоняться - »

С линией между бровями, Лун Зиджин сказал, «Девятый брат, что ты думаешь об этом?»

Зал Чусю

«Ваше Величество, я сейчас уйду. Не позволяйте этой миске супа остыть – вам нужно выпить его пока он еще теплый».

«Да». Лун Фей-ли встал и снял свою мантию, надежно оборачивая ее вокруг Императрицы.

Сердце Императрицы трепетало от счастья и она сказала вполголоса, «Зал Луаньсю не далеко отсюда, а вам все еще не здоровится... в следующий раз, я определенно одену более теплые одежды, прежде чем прийти».

Лун Фей-ли только улыбнулся, когда сказал, «Как ты могла не знать, чувствую я себя не важно или иным образом - »

Его слова несли намек на издевку, и когда Юй Мисю вспомнила их дни страсти по ночам, ее щеки покраснели... взглянув на Ся Сан, который внимательно стоял в стороне, она наклонилась к Императору и застенчиво сказала, «Не важно, придет Ваше Величество или нет, сегодня ночью, я буду ждать вас в Зале Луаньсю».

Спокойно глядя на толпу слуг, которые последовали за Юй Мисю, когда она ушла, Лун Фей-ли сказал, «Ся Сан, закрой дверь».

Ся Сан сделал как он сказал, прежде чем вернулся обратно к Императорскому столу и сказал, «Ваше Величество, вам нужно выпить суп».

Лун Фей-ли переложил документы, которые он внимательно читал, на другую сторону. Не поднимая свой взгляд, он сказал равнодушным голосом, «Никто не приходил сегодня из Павильона Цюин?»

Ся Сан замер, когда начал понимать, что имел в виду Император – эта Наложница Цзинь оказалась неожиданно упрямым человеком. После событий того дня, Император не проводил но в Цюин. Все же на следующее утро, Ань Цзинь отправила одного из евнухов, чтобы передать новый чайник чая.

Пытаясь понять сердце Императора, Ся Сан убедился, что Император несомненно не примет ту вторую чашку чая, но он ошибался, потому что Император выпил этот чай, взглянув на поднос для чая.

В Ся Лян, утреннее собрание всех чиновников двора началось незадолго до рассвета, когда небеса были все еще темны и воздух был сильно холодным.

Лун Фей-ли простудился. Ся Сан слышал неофициальные замечания некоторых чиновников, что это было хорошо для них, так как они могли пропустить несколько дней утренних заседаний.

Но Лун Фей-ли был мужчиной с чрезвычайной самодисциплиной. Хотя он и неважно себя чувствовал, он продолжал собирать собрание каждое утро. Если не было важных дел за день, после утреннего собрания, он обычно возвращался в Зал Чусю, где он продолжал внимательно читать предоставленные документы на рассмотрение от различных префектур.

За эти прошедшие несколько дней, евнухи Цюин всегда подавали чайник чая в Зал Чусю после утреннего придворного заседания. В полдень, приходил другой евнух, чтобы забрать чашки и поднос для чая.

Ся Сан был дотошным и внимательным человеком. Вскоре он обнаружил, что Лун Фей-ли за последние дни развил новую привычку. В тот момент, когда он входил в комнаты Зала Чусю, его взгляд падал на угол его стола – место, где евнух из Цюин оставлял чайник с чаем.

Торопливо, он сказал, «Ваше Величество, после того, как вы покинули утреннее придворное заседание, евнух пришел и доложил, что Наложница Цзинь, возможно не приготовит никакого чая, потому что ей нездоровится».

Лун Фей-ли согласился, его внимание было приковано к углу его стола.

Ся Сан проследил за его взглядом и осмотрелся. Император не смотрел на кипу документов. Вместо этого, его глаза пристально смотрели на несколько листов бумаги.

Видя, что внимание Лун Фей-ли было сосредоточено на этих листках бумаги, Ся Сан не смел произнести что-нибудь еще, включая важные просьбы, сделанные евнухом, который ушел ранее. Тот евнух умолял его убедить Императора нанести визит Наложнице Цзинь, которой нездоровилось...

Там оказалось десять или около того листов бумаги. Они не были отрезаны аккуратным способом, и можно представить себе неаккуратность человека, который разорвал листок на полоски. Однако слова на них были написаны с большой внимательностью, каждый штрих тщательно отпечатан, слова одинаково рассредоточены.

- Четыре стихии суетны. В этом мире, ничто не вечно, однако наша встреча считается родством, так какой вред для нас выпить вместе перед расставанием наших путей? [1]

- Первый глоток сотрет нашу сонливость, наше счастье и искренность наполнят землю; второй глоток очисти мои мысли, точно как дождь, падающий на пылинки; третий глоток дарует мне озарение – для чего я беспокоюсь и огорчаюсь? [2]

- Огромные небеса пересекают столетия; временный красивый пейзаж. [3]

...

Каждая полоска бумаги была исписана различными высказываниями. Некоторые были длинными, другие были короткими... или возможно, некоторые скрывали глубокие мысли, пока другие были относительно прямолинейны. И все же, они все были связаны с учениями Буддизма. Каждый день, на чайном подносе, был скрыт маленький лист бумаги, его положение менялось каждый раз. Иногда, ему даже приходилось искать его.

Выражение лица Лун Фей-ли смягчилось, когда его губы приподнялись в теплой улыбке.

Между его пальцами был еще один листок бумаги – он был самый последний, который сопровождал вчерашний чай.

На нем были слова: Одна встреча в наших жизнях. [4]

«Ся Сан, отправляйся во Дворец Фэнцзю и проверь, вызвали ли они сегодня леди доктора?», сказал Лун Фей-ли, когда положил листок бумаги, его голос был неизменен.

Удивленный, Ся Сан неопределенно спросил, «Ваше Величество, вы ссылаетесь на Павильон Цюин?»

Выражение лица Лун Фей-ли стало хладнокровным. «Ты не слышал, сто я сказал?»

«Да, Ваше Величество». Трясаясь, Ся Сан поспешно вышел. Хотя, он был не восприимчив к желаниям Императора, он никому не причинял вреда, и говорил мало, когда приказывал.

Лун Фей-ли закрыл глаза.

Только Ань Цзинь обучалась способам заваривания чая два дня, так каким образом она обладает таким навыком?

И Ань Цзинь не являлась женщиной, которую он встретил несколько дней назад в Округе Цюжун – женщина, которая была одержима священной холодностью, несмотря на ее холодный ум.

Он привез ее назад только потому, что выражение в ее глазах было незначительными оттенками схожее с той персоной, порождая то, что его любопытство было временно воспламенено.

И все же было жалко, что с течением времени, сердце человека неминуемо меняется.

Хотя Ань Цзинь была умна, у нее больше не было способности писать такие слова, лишённые желания или требований. В императорском дворце, где все полномочия и богатства этого королевства объединены в руках одного человека, она хотела большего.

Только, она пользовалась всем, поэтому, не важно, что бы она ни захотела, он давал –

Холодно, издавека, как непринужденный третий свидетель, без тремора в сердце.

И сегодня, она не приготовила чай. Ниан Сюаньцзи... она была больна?

Сноски:

Письменные высказывания на листках бумаги пришли из различных учений Буддизма. Я пыталась перевести значения как можно лучше, но учитывая мое ограниченное понимание чая & буддизма, я возможно упустила некоторые культурные ссылки.

[1] Из Династии Цин.

Буквально переводится как четыре элемента (земля, вода, огонь, ветер – из Буддизма) суетны. Эмоции проходят и чувства утасуют – любая предопределенная любовь и близость не длятся вечно.

Это высказывание было использовано, чтобы описать напиток, разделенный между монахом и бизнесменом, когда они случайно столкнулись в гостинице: у них двоих разные пути и их собственные жизни, но какой будет вред, если они выпьют вместе, не беспокоясь о том, кто они, прежде чем они отправятся по своим собственным жизненным дорожкам?

[2]. Из Династии Тан.

Первый напиток сотрет нашу сонливость, наше счастье и искренность заполнят землю;

Второй напиток очистит мои мысли, как дождь, падая на пылинки;

Третий глоток дарует мне озарение – для чего я беспокоюсь и огорчаюсь?

[3].

Вань гу чан кун, чжао, фэн юэ

Из Династии Сун.

Буквально переводится, «Огромные небеса пересекают столетия; временный красивый пейзаж». Я думаю, это означает, что время и космос бесконечны, но наше счастье и разочарование временны.

[4].

Это высказывание возникло в Японии. Это означает, что в наших жизнях, есть некоторые вещи или люди, которых мы можем встретить только однажды. В искусстве чая, при приготовлении чая должна всегда использоваться эта способность мышления, когда готовишь чай для разных людей, для того, чтобы передать его искренность.

В этом контексте, полное высказывание означает, что в наших жизнях, мы можем иметь только одну встречу с человеком, которого мы любим. Возможность встречи такого человека мимолетна, но так как судьба сводит нас вместе, мы должны ценить время, которое проводим вместе.

<http://tl.rulate.ru/book/6852/231011>